

КВАЗИСУБЪЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Абдужабборов Жавлонбек Пахлавон угли

Abdujabborovjavlonbek02@gmail.com

(в рамках исследования на соискание степени PhD)

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17464156>

Ускоряющаяся эволюция цифровых технологий и искусственного интеллекта (ИИ) поставила под сомнение классические границы правосубъектности. Концепции, когда-то четко разделявшие субъекты и объекты права, всё больше подвергаются напряжению из-за появления автономных цифровых агентов, децентрализованных организаций и алгоритмических систем. Эти сущности — хотя и лишённые сознания, свободной воли или моральной ответственности — тем не менее участвуют в социальных и экономических отношениях, нередко с существенными правовыми последствиями. Подобные явления привели к теоретическому формированию категории квазисубъектов: сущностей, обладающих отдельными признаками правосубъектности, но не полностью отвечающих её традиционным критериям [1]. Цель данной работы — концептуализировать квазисубъекты как особую юридическую категорию, проанализировать их определяющие признаки и типы, а также оценить их значение в киберправе и более широкой теории правосубъектности.

В классической юриспруденции субъектом права является лицо, способное обладать юридическими правами и обязанностями, действовать по собственной воле и нести юридическую ответственность. Как отмечает Е. В. Пономарёва, субъект права — это «решающая инстанция в праве» — участник правового общения, характеризующийся способностью самостоятельно приобретать и осуществлять права и обязанности, а также нести за них ответственность [1]. Однако современные явления, такие как автономные машины, генетически модифицированные организмы и виртуальные коллективы, не укладываются в данную рамку. Они функционируют как акторы правовой и социальной систем, но лишены фундаментальных признаков воли, сознания или подотчётности.

Пономарёва Е. В. подчёркивает, что квазисубъект представляет собой «явление, подобное субъекту, но не тождественное ему» — категорию, используемую для обозначения образований, имитирующих правосубъектность, но не обладающих её существенными элементами. К ним относятся такие формирования, как нации, трудовые коллективы и семьи — субъекты, способные действовать в правовой сфере, но исключительно через человеческих представителей. С появлением ИИ и киберфизических систем аналогичное концептуальное напряжение проявилось на технологическом уровне.

По мнению С. Г. Чубуковой, понятие квазисубъекта используется для описания «лиц, наделённых субъективными правами и обязанностями, но не несущих юридической ответственности», к которым относятся роботы, системы ИИ и интеллектуальные агенты [2]. Таким образом, квазисубъектность образует мост между чисто юридическими фикциями (например, корпорациями) и чисто техническими инструментами.

Работа Пономарёвой заложила системный набор критериев для различения субъектов и квазисубъектов, которые Семитко свёл в восемь методологических показателей [1]. Среди ключевых дифференцирующих признаков — отсутствие самостоятельной воли, производный или делегированный характер дееспособности, ограниченная ответственность и функциональная автономия.

Чубукова уточняет данную рамку в контексте киберправа, выделяя две основные группы квазисубъектов [2]:

Сущности, наделённые правами и обязанностями, но освобождённые от ответственности, включая системы ИИ, роботов и киберфизические механизмы;

Сущности без правосубъектности, интересы которых представляются опосредованно — например, будущие поколения, признанные в российской юриспруденции как конституционно-правовой императив.

Возникновение киберправа породило новые правовые экосистемы, населённые алгоритмическими участниками. Смарт-контракты, децентрализованные автономные организации (DAO) и обучающиеся агенты совершают цифровые сделки без участия человека. По словам Чубуковой, DAO «принимают решения электронным способом на основе запрограммированных правил» и «не обладают правосубъектностью или формальными управленческими структурами» [2]. Тем не менее они автономно осуществляют операции, аналогичные деятельности корпораций, управляют активами и обязательствами.

Европейская и российская правовые системы демонстрируют продолжающуюся борьбу с этими вызовами. Резолюция Европейского парламента «О гражданско-правовых нормах о робототехнике» (2017) впервые поставила вопрос о предоставлении роботам формы «электронной личности», одновременно признавая их неспособность нести юридическую ответственность [3]. В России в рамках инициатив Д. С. Гришина предлагалось внести в Гражданский кодекс понятие «робот-агент» как участника гражданского оборота [2]. Российская доктрина преимущественно рассматривает ИИ и роботов как объекты права, хотя отдельные исследователи — О. А. Ястребов и П. М. Морхат — выступают за ограниченный, квазисубъектный статус [4][5]. Этот вопрос в отечественной доктрине остаётся в нейтральной позиции.

Философская дискуссия о квазисубъектах перекликается с ранними дебатами в юридической теории. Л. И. Петражицкий утверждал, что даже воображаемые сущности могут функционировать как правовые субъекты, поскольку воспринимаются носителями нормативной силы [7]. Аналогично государство, корпорации и международные организации действуют как сконструированные субъекты в коллективном сознании.

Это показывает антропоцентрическую природу правосубъектности: «субъект» — не естественная, а нормативная категория, поддерживаемая признанием в рамках правопорядка. В этом смысле появление ИИ и алгоритмических систем продолжает ту же логику. Квазисубъекты представляют собой новые фикции — технологические или концептуальные образования, включаемые в юридический дискурс в ответ на изменяющиеся социальные потребности.

Отсутствие ответственности остаётся решающим признаком, препятствующим превращению квазисубъектов в полноправных субъектов права. Как в российской, так

и в европейской доктрине преобладает мнение, что системы ИИ не могут быть юридически ответственными, поскольку их действия каузально определяются людьми — операторами или разработчиками [8]. Концепция регулирования ИИ, утверждённая Правительством РФ в 2020 г., подчёркивает, что действующие механизмы гражданско-правовой ответственности должны применяться через ответственных лиц (владельцев или производителей), дополняясь инструментами страхования или компенсационных фондов [9].

Однако с ростом автономии алгоритмов причинно-следственная связь между создателем и действием становится всё менее очевидной. Поэтому ряд исследователей предлагает модели распределённой или совместной ответственности [10]. С нормативной точки зрения концепция квазисубъектов позволяет праву признавать функциональное участие таких сущностей, не наделяя их преждевременно полноценной личностью.

Квазисубъектность не ограничивается сферой ИИ. Как подчёркивает Чубукова, будущие поколения также выступают квазисубъектами, интересы которых закреплены в конституционных нормах [2]. Хотя они не обладают актуальной агентностью, право символически признаёт их интересы через существующие институты — форму межвременного представительства.

Признание квазисубъектов расширяет понятийный инструментарий юриспруденции, позволяя праву адаптироваться к постчеловеческим реалиям, не разрушая базовые категории. Однако Семитко предупреждает, что безоглядное признание технологических сущностей субъектами права может «болезненно отразиться не только на экономике и культуре, но и на всех сферах человеческой жизни» [1].

Теория квазисубъектов отражает ответ правовой системы на двойное давление — технологическое и концептуальное. Она признаёт, что многие акторы современного мира — системы ИИ, DAO, будущие поколения и коллективные образования — не могут быть однозначно отнесены ни к субъектам, ни к объектам права.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Пономарёва Е. В. «Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения». Вестник Гуманитарного университета, 1 (28), 69–75.
2. Чубукова С. Г. (2023). Квазисубъекты в киберправе. Журнал Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2 (102), 53–61.
3. Европейский парламент. (2017). Резолюция с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовым нормам о робототехнике (2015/2103(INL)).
4. Ястребов О. А. (2018). Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы. Труды Института государства и права РАН, 13 (2), 36–55.
5. Морхат П. М. (2018). Правосубъектность искусственного интеллекта в праве интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. М., 2018.
6. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
7. Петражицкий Л. И. (2000). Теория права и государства в связи с теорией

нравственности.

8. Архипов В. В., Наумов В. Б. (2017). Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права. 6 (55), 46–62

9. Правительство Российской Федерации. (2020). Концепция развития регулирования в сфере ИИ и робототехники до 2024 года.

10. Минбалеева А. В. (2022). Механизмы правового регулирования использования ИИ. // В кн.: Подшивалов Т. П. и др. (ред.). Право цифровой среды. М., 2022.